

Министерство культуры Омской области
Омский государственный историко-краеведческий музей
Сибирский филиал Российского института культурологии (Омск)
Институт Петра Великого (Санкт-Петербург)

ВЛИЯНИЕ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ НА РАЗВИТИЕ СИБИРСКИХ ГОРОДОВ

(ИСТОРИЯ, КРАЕВЕДЕНИЕ, КУЛЬТУРА)

Материалы Всероссийской научной
конференции

(Омск, 11-14 октября 2010 г.)

Омск
2010

УДК 94(57)”16/17”
ББК 63.3(253)511я431
В58

Влияние петровской эпохи на развитие сибирских городов (история, краеведение, культура): Материалы Всероссийской научной конференции (Омск, 11-14 октября 2010 г.) / Под ред. Вибе П.П., Кильдюшевой А.А., Назарцевой Т.М. – Омск: ОГИК музей, 2010. – 293 с.

В издании представлены Материалы Всероссийской научной конференции «Влияние петровской эпохи на развитие сибирских городов (история, краеведение, культура)», состоявшейся в г. Омске 11-14 октября 2010 г., на которой были рассмотрены проблемы присоединения Сибири к Русскому государству, сибирского градостроительства, роли личности в истории (петровский период), культуры и общества городов в правление Петра I, археологических исследований сибирских городов XVII-XVIII вв., книжных и картографических изданий петровской эпохи, музеев как хранилищ историко-культурного наследия эпохи Петра I, трансляции исторической памяти музейными средствами.

Для историков, краеведов, культурологов, археологов, специалистов музейного дела, преподавателей, аспирантов, студентов и для всех интересующихся сибирской историей и культурой.

© Омский государственный историко-краеведческий музей

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

настоящему края. В петровское время эти тенденции получают определенное оформление. Первостепенное значение для становления научной историографии Сибири имело создание Академии наук, деятельность академического отряда Великой Северной экспедиции и, прежде всего, научные исторические изыскания Г.Ф. Миллера.

Список литературы:

1. Бахрушин С.В. Туземные легенды в «Сибирской истории» С. Ремезова // Исторические известия. – М., 1916. – № 3-4.
2. Бахрушин С.В. Г.Ф. Миллер как историк Сибири // Миллер Г.Ф. История Сибири. – М.-Л., 1937. – Т. 1.
3. Бахрушин С.В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. // Научные труды. – М., 1955. – Т. III, ч. 1.
4. Богданов А.П. Летописец и историк конца XVII века. Очерки исторической мысли «переходного времени». – М., 1994.
5. Гемуев И.Н. Мировоззрение манси: Дом и Космос. – Новосибирск, 1990.
6. Горюшкин Л.М., Миненко Н.А. Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI – начало XX в.). – Новосибирск, 1984.
7. Мирзоев В.Г. Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII века. – М., 1960.
8. Мирзоев В.Г. Историография Сибири. (Домарксистский период). – М., 1970.
9. Новицкий Гр. Краткое описание о народе остячком. 1715. – Новосибирск, 1941.
10. Очерки истории исторической науки в СССР. – М., 1955. – Т. 1.
11. Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. – СПб., 1862. – Т. I.
12. Рубинштейн Н.Л. Русская историография. – М., 1941.

А.В. Ремнев

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

**ЕРМАК КАК ГЕРОЙ: ОТ СИБИРСКИХ ЛЕТОПИСЕЙ ДО
«ПАМЯТНИКА ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ РОССИИ»**

Исторические персоны – это не только реальные люди прошлого, но и образы, вписанные в последующие политические и социальные сценарии исторической памяти. Замечательная работа Б. Шенка об Александре Невском дает основание расширить круг символических имен, которые были задействованы в национальных нарративах, оказывались устойчивыми в длительной временной перспективе, хотя и подвергались существенной идеологической трансформации. Разумеется, всегда существует ограниченность исторического конструирования не только историческими фактами, но и ожидаемыми реакциями, которые являются продуктом ментальности самого народа. Поэтому важно было не только преподнести особым образом исторического героя, но и рассчитать ожидаемое прочтение этого послания, которое бы затронуло глубинные народные ожидания и сопровождалось определенными эмоциональными реакциями. «Заряженность фигур памяти значением и смыслом в большинстве случаев не является итогом направленных пропагандистских мер «сверху», она оказывается результатом процесса конструирования, в котором принимает участие множество социальных групп, и этот процесс зависит от времени и обстоятельств» (Шенк Ф.Б., 2007, с. 20). В дискурсе «исторической памяти» и «памятных мест» всегда важны акторы, предложенные ими языки описания и контексты широких и пересекающихся нарративов.

Одной из таких знаковых фигур нашей истории, безусловно, является Ермак, образ которого стал своего рода эмблемой Сибири, но в разные периоды был нагружен разными символическими смыслами. Для того, чтобы образ Ермака возымел креативный эффект, он должен быть превращен в своего рода метафору, с ее не только историческим значением, но и обладающей визуально-эмоциональным воздействием. Поэтому в описаниях похода Ермака были так важны разного рода определения и эпитеты, а в визуальной презентации создание зрительского восприятия «героя». Однако смысл героизма Ермака мог быть прочтен по-разному, в зависимости от того контекста, в который он помещался. Это обусловило не только динамику образа, но и возможности его различных, нередко прямо проти-

воположных репрезентаций. Поэтому образ, не смотря на казалось бы прочно заданные конструкты, остается всегда открытым для интерпретаций, в том числе и конкурирующих.

Поход Ермака очень рано попадает в атмосферу идеологических споров и трактовок. Летописные повествования, хотя и отличались, нежели фольклорные народные предания, большей строгостью в изложении событий, но также несли на себе печать поздних наслоений и пристрастий заказчика и составителя. В церковной версии с XVII в. Ермак представал «рыцарем православия, умершим в покаянии в борьбе с татарами и принесшим благодать на землю сибирскую». Священники постарались придать Ермаку и его товарищам «пристойный вид» и вписать в плеяду христианских подвижников (Литературные памятники..., 2001). Уже в составленном в 1622 г. по инициативе тобольского митрополита Киприана «Синодике ермаковым казакам», а затем Есиповской летописи (1636 г.) закреплялось идеолого-религиозное обоснование похода Ермака, как борьбы с врагами христианской веры. Для Сибири, где было довольно много ссыльных преступников, образ Ермака, как «раскаивавшегося разбойника», имел особую привлекательность и поучительный смысл «искупительного подвига». Не случайно именно православная церковь озаботилась тем, чтобы «облагородить» память о Ермаке. Неудачное начинание причислить к лику святых или к числу местночтимых религиозных подвижников, которые также были востребованы формируемой сакральной историей Сибири как части «Православного Царства». Однако реальная история Ермака мешала такой акции, но уже с конца 30-х гг. XVII в. практиковалось в сибирских церквях провозглашение «вечной памяти» Ермаку и его товарищам. При сибирском архиепископе Нектарии, а затем и его последователях Ермак, с его не очень удобным для церкви именем, превратился в более русского и православного – Ермолая. Редактор неофициальной части «Тобольских губернских ведомостей» Е.В. Кузнецов призывал в начале 1890-х гг. оставить споры о настоящем имени Ермака, так как «с завоеванием Сибири имя Ермак стало именем знаменитым, а потому и прежнее, хотя и действительное имя старого волжского атамана могло отойти уже на задний план; напоминать же о нем значило бы набрасывать на победителя Кучума тень мрачных воспоминаний о разбойничьих похождениях, словом, воскрешать в высоконравственном образе завоевателя Сибирского царства ненавистного разбойника». Надо довериться указаниям церкви, призывал он (Кузнецов Е.В., 1999, с. 48). М.В. Ломоносов видел в освоении Сибири результат «неутомимых трудов нашего народа» и потому ревностно отстаивал репутацию Ермака от обвинений в разбое, подозревал Г.Ф. Миллера, автора «Истории Сибири», в тенденциозном отборе тем и истолковании собы-

тий не в пользу русского народа. Ломоносов и его сторонники призывали: «о сем деле должно писать осторожнее и помянутому Ермаку в рассуждении завоевания Сибири разбойничества не приписывать» (Протокол Исторического собрания 3 июня 1748 г.).

Действительно, Ермак как нельзя лучше отвечал образу народного героя. В народном предании Ермак мог быть представлен былинным витязем, приходившимся племянником не то Илье Муромцу, не то великому князю Владимиру, а в верных помощниках у него состояли: Стенька Разин, Ванька Каин, Иван Мазепа, да Гришка Отрепьев. Не случайно и то, что его именовали «сибирским князем» и даже «сибирским царем». Оказавшись в Сибири: «Добронравно жил атаман Ермак / о великом деле заботился: / как бы Русь к Сибири той приживить, / как Сибирь к Руси природнить суметь» (Ермаково хождение, 2003, с. 72). Былины, народные песни и сказания о Ермаке не столько фиксировали истинные события и реальные черты народного героя, сколько отражали историческое мировоззрение самого русского народа. Параллельно с этим существовала традиция воспевания Ермака как символа казачьей вольности в народных исторических песнях и фольклорных эпических сказаниях. Это был народный типаж «благородного» и «раскаивавшегося» разбойника, не только «покорителя» Сибири, но, главное, борца за социальную справедливость. Фольклорный образ Ермака оставался для народного сознания сквозным, вневременным, смешавшим людей и эпохи, апеллирующим к историческим преданиям борьбы с «погаными», начиная с Киевской Руси до Мамаея и взятия Казани, где Ермак якобы участвовал. В духе народнической традиции считалось, что «народ, во всей своей совокупности не может ошибаться в отношении общего понимания значения лица или события» (Оксенов А.В., 1886, с. 75-76). «Народное историческое чутье» служило доказательством того, в каких именно героях нуждался русский народ, какие общественные идеалы он должен был воплощать вне зависимости от того, каков он был на самом деле. Такого рода понимание укрепляло мысль о востребованности Ермака в качестве национального символа, а поэтический вымысел и фантазия должны были подчеркнуть избранные качества народного богатыря. И не случайно, художник В.И. Суриков не слишком заботился об исторических источниках своей картины и предпочел «предугадать» историю, представляя «Покорение Сибири» как столкновение двух стихий: русской и татарской (Волошин М., 2004, с. 196). Заметен образ Ермака и в фольклоре сибирских народов (особенно сибирских татар) и казахов, которые также наделяли его легендарными чертами и сделали частью своей мифологии, как война со сверхъестественным даром. Хотя и в их восприятии он остается уважаемым врагом, позволяющим возвысить своих героев, которые с ним боролись.

Особенно важен образ Ермака был для казачества, для которого он был воплощением их непростой истории отношений с царской властью. Н.М. Костомаров – сторонник казачьей инициативы, поддержанной и направляемой государством, пояснял, что казаки были «русские люди, связанные верою и народностью с тем обществом, из которого вырвались. Государству всегда оставалась возможность с ними сойтись и если не сразу подчинить их, то до известной степени войти с ними в сделку, дать уступку и, по возможности, обратить их силы в свою пользу» (Костомаров Н.М., 1997, с. 10). Для казачества Ермак раньше других стал символом традиций вольности, государственного служения и сословной консолидации. В казачьих описаниях Ермак предстает не только символом казачьей вольности, но, главным образом, борцом за православную веру. Историки Войска Донского уверяли, что Иван Грозный пожаловал ему титул сибирского князя, а с приближающимся 300-летием присоединения Сибири начали собирать деньги на памятник Ермаку в Новочеркасске (Пуцилло Н., 1881, с. 279). Донцы даже настаивали на передаче им казачьей реликвии «Знамени Ермака», которая в 1883 г. была перевезена из Березова в Омск. Сибирские казаки также видели в Ермаке свой символ, и вели отсчет образования своего войска от дружины Ермака. Символично уже и то, что живописный портрет Ермака хранился в одном из тобольских православных соборов, а в Сибирском кадетском корпусе наряду с портретами героев войны 1812 г. висела картина, «изображавшая гибель Ермака в волнах Иртыша». Литографированные портреты, гравюры и лубочные картинки с Ермаком пользовались большой популярностью, особенно на Урале и в Сибири, где их можно было видеть во многих домах. Для русских сибиряков, которые пришли на новую землю, нужен был свой исторический символ, подчеркивающий важные элементы их идентичности: сохраняющуюся «русскость» и историческое право на Сибирь. Ермак выступал в этом случае, как объединяющий знак и поучение в формирующейся коллективной культурной памяти региона. Поэтому фигура Ермака предстает как рубежная в дорусской и русской истории Сибири. Издатель журнала «Сибирский вестник» Г. Спасский осуждал современников за небрежность в отношении истории похода Ермака, призывал описать и нанести на карту наиболее важные памятные места: Чувашский мыс, Искер, остатки казачьих укреплений, «Ермакову копь» (Картина Сибири, 1818). Не случайно именно Ермаку был воздвигнут первый светский памятник за Уралом. И хотя сибирскому историку П.А. Словцову памятник в Тобольске (1839 г.) казался не совсем монументальным: «Этот памятник для памяти, а не для фантазии». Что эта мраморная пирамида есть «память благочестивого очуствования и воздержания», тому, что Ермак не раз «одумывался и жил с

дружинами по-христиански» (Словцов П.А., 1995, с. 87). Словцов настоящее освоение Сибири связывал с «земледельческой населенностью», и не Ермак, а царские воеводы, считал он, добились истинного «возобладания» Сибирью. Тема «народа и власти» в присоединении к Сибири станет основной, и образ Ермака играл в ней роль отправной точки.

Ермак наделялся не только чертами русского былинного богатыря, что было понятно простому человеку, но и включался в контекст «великих географических открытий», был поставлен в один ряд с европейскими завоевателями – «наш Кортес и Писсаро». В «Храме славы Российских Ироев от времени Гостомысла до царствования Романовых» (СПб., 1803) Ермак прямо именовался «Российский Кортес». Это сравнение должно было подчеркнуть схожесть европейской миссии в Новом Свете и русского движения «встречь Солнцу». Сравнение Сибири с Америкой в начале XIX в. было особенно популярным. Не случайно на портретах того времени Ермак нередко напоминал испанского конкистадора. В контексте эпохи Просвещения Кучум представлен в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина (Т. IX. Гл. VI) вероломным правителем, нарушившим обещание, данное московскому царю. Поэтому купцы Строгановы получили царское согласие на действия в Сибири, и именно они предложили Ермаку и его товарищам оставить «ремесло, недостойное Христианских витязей, быть не разбойниками, а воинами Царя Белого», а сам Ермак стремился «угодить вместе и Царю земному, и Царю Небесному». Примечательно, что «истинные виновники» приобретения Сибири купцы Строгановы, хотя и были награждены властью, не стали частью ни официального, ни народного мифа покорения Сибири. Карамзин подчеркивал, что фигура Ермака уже стала легендарной, а пространство Сибири наполнено его именем: «скалы, пещеры, следы укреплений называются его именем», «имя сего витязя живет и в названии мест и в преданиях изустных; там самые бедные жилища украшаются изображением Атамана-Князя», а «Россия, История и Церковь гласят Ермаку вечную память!». В такой трактовке Карамзина видны очертания будущей формулы «официальной народности». Если значение «православия» и «самодержавия» прописаны официальным историографом ясно, то «народность» только намечена. Несмотря на сравнение Ермака с конкистадорами, Карамзин подчеркивал, что тот был не менее испанцев «грозный для диких народов», но завоеватель «менее ужасный для человечества». Для него важно было подчеркнуть, что местные народы быстро смирились и добровольно признали русскую власть в лице Ермака, «как мужа грозы и доблести сверхъестественной». Это заключение станет затем важным конструктом российского антиколониального дискурса. И. Шульгин (доклад в Российской академии наук, 28 июня

1841 г.) уже не сравнивал Ермака с завоевателями Америки, заявив, что Ермак, по его словам воевал с ханом Кучумом, власть которого для сибирских «туземцев» оставалась чуждой, тогда как новая русская власть, пришедшая им на смену оказалась «более прежней праводушной и ласковая» (Шульгин И., 1842, с. 18).

Ермак стал излюбленным персонажем не только для народных преданий и исторических народных песен, ему были посвящены исторические труды, художественные произведения, он был представлен на театральной сцене, изображен на многочисленных картинах и запечатлен в скульптуре. О нем писали многие известные российские историки и литераторы того времени. И.И. Дмитриев воспел образ покорителя Сибири в стихах, стихотворные «думы» К.Ф. Рылеева стали известной народной песней, П. Свиньин написал роман «Ермак или покорение Сибири» (1834 г.), а историк Н.А. Полевой представил на суд зрителей драму «Ермак Тимофеевич, или Волга и Сибирь» (1845 г.). Для А.С. Пушкина Ермак мог стать удачным историческим примером, позволявшими по-новому взглянуть на тему «народ и власть» в национальной перспективе (Мамсик Т.С., 2007). Это положило начало трактовке Ермака как народного героя на службе империи. Национализирующееся сознание русских, особенно после «эпохи 1812 года», было подготовлено к соединению столь разных элементов и тенденций. Наиболее влиятельными оставались две линии, олицетворяемые Н.М. Карамзиным и К.Ф. Рылеевым, совместить которые в единой национальной программе, как мне кажется, стремился А.С. Пушкин. Очевидно, он был раздражен неясностью трактовок и явной заимствованностью немецких романтических образцов, как это было в трагедии «Ермак» будущего лидера славянофильства А.С. Хомякова. Ему был ближе, вероятно, рылеевский образ Ермака, но для Пушкина, «певца империи и свободы» (Г.П. Федотов), была важна не только «свобода», но и национальная идея русской государственности, которая могла вместить имперский и национальный компоненты. В.Г. Белинский особенно ценил в Ермаке стремление к вольнице, к выходу «из тесноты и духоты на простор и приволье души» (Белинский В.Г. Собр. Соч., с. 474), но и знаменитый критик стоял в те годы на государственных позициях, заявляя, что «Ермак с горстью казаков завоевал жезл властительства над Сибирью, но с тем, чтоб повергнуть его к ногам своего царя».

Все это обусловило многоаспектность образа Ермака, разные нарративы его сибирской эпопеи. Уже в изначальных трактовках, включая народные сказания, существовало видимое противоречие, вполне понятное в представлениях «народного монархизма», когда свободолюбивый казак Ермак, ненавидевший бояр и дворян, грабивший купцов, оставался вер-

ным сыном Отечества, готовым служить царю. Национализирующаяся империя Романовых нуждалась в новой идеологии и новых символах, мобилизующих единение монарха и народа. Образ Ермака приобретает все большую «русскость», как это было воплощено, к примеру, на знаменитом полотне В.И. Сурикова, в скульптуре М.М. Антокольского и памятнике Ермаку в Новочеркасске (1904 г.), где он уже окончательно уподоблен русского былинному богатырю.

Начиная с Николая I в идеологеме народного единения вокруг трона были представлены все сословия, символизируя «народность самодержавия». Династическая преданность крестьянина И. Сусанина, гражданская ответственность за Отечество и верноподданность князя Д. Пожарского и мещанина К. Минина, расширение пределов Русской земли казаком Ермаком включались в новые сценарии власти империи. Образ Ермака был рассчитан на трансляцию в широкие массы. Дело не ограничивалось академическими историческими трудами и даже статьями в «толстых» журналах, вход пошли беллетристика, популярные издания, учебники, живопись и лубочные картинки для народа, театральные постановки. С развитием массового начального образования возросла потребность в дидактическом изложении Русской истории и патриотической трактовке ее героев. Появились специальные издания для воспитанников военных учебных заведений, гимназистов, для простых «крестьянских ребят». Вещи, принадлежавшие Ермаку или его сподвижникам, стали важными экспонатами музеев, особенно сибирских. Была закреплена определенная схема, на которую уже мало влияли конкретные исторические исследования: присоединение Сибири произошло по инициативе народа при содействии купцов Строгановых, Иван Грозный казачий дар принял, послал стрельцов и воевод, а церковь направила священников. Контрастировать «благородному» Ермаку должен был образ врага – хана Кучума, отсылая к исторической памяти татаро-монгольского ига. Кучум и его окружение были «ориентализированы» (если применить трактовку Э. Саида) и представляли в исторических описаниях «коварными злодеями», к тому же угнетавшими бедных сибирских туземцев и нападавшими на русские земли. Преисполненный своей высокой миссией, Ермак был представлен как освободитель туземцев от деспотизма Кучума, не разрешал казакам «своевольничать», «ласково» обращался с народом (включая татар), за что они быстро признали власть царя и стали платить ясак. Необходимы были также коррективы в виде «раскаяния» и «уверования», что вполне вписывалось в народные и церковные представления о «раскаявшемся разбойнике», а царское прощение и трагическая гибель от рук коварных и вероломных басурман довершили создание положительного образа героя. Казачий набег под-

нимался до христианской миссии с сакральным пафосом божественного покровительства, что было освящено православной церковью. Препарированный в таком ключе фольклорный и исторический материал давал основание поместить Ермака в пантеон национальных героев, что и было закреплено в 1862 г. в «Памятнике тысячелетия России». В официальной справке по этому поводу констатировалось, что донской казак Ермак Тимофеев, хотя и занимался разбоем на Волге, «искушил свою тяжкую вину и заслужил прощение Государя покорением царства Сибирского» (Биографические очерки лиц, 1862, с. 190).

Образ Ермака оказался более «естественен» для народного восприятия, нежели, скажем, идеологизированный конструкт Ивана Сусанина, или даже Александра Невского. Если Сусанин, как фигура типологически наиболее близкая Ермаку, предстал в официальных сценариях «народности» символом жертвенной преданности монархии, то образ Ермака мог служить задаче единения царя народом (прежде всего с казачеством) в деле расширения государственных границ, как империи и как Земли Русской. Это могло работать не только на идеологему «народного самодержавия», но и дать основание для идеологии «народного империализма». Однако образ Ермака, в отличие от Сусанина, был отягощен историческими подробностями и внутренними напряжениями, чтобы можно было его идеологизировать только в одном направлении. На имя Ермака претендовала не только «официальная народность», но и славянофилы с их особой интерпретацией русской национальной идеи, революционеры-народники, стремившиеся закрепить за Ермаком образ народной вольницы, он мог стать символом формирующейся сибирской идентичности. В советское время он оказался востребован как народный герой, который служил не царю, а Отечеству. В постсоветской татарской и казахской историографии экспедиция Ермака с позиций постколониальных подходов была подвергнута кардинальной ревизии, и в новых национальных нарративах представлена как казачий «набег» с целью грабежа, с героизацией сопротивления и виктимизацией судеб сибирских народов (Файзрахманов Г., 2007, с. 166-179; Абдиров М., 1996 и др.).

Список литературы:

1. Абдиров М. Хан Кучум: известный и неизвестный. – Алматы, 1996.
2. Белинский В.Г. Собр. соч. в 13-ти томах. – Т. 6.
3. Биографические очерки лиц, изображенных на памятнике Тысячелетия России, воздвигнутом в г. Новгороде. 1862 г. Составлены учителями Новгородской гимназии Н. Отто и И. Куприяновым. – Новгород, 1862.

4. Волошин М. Суриков. Материалы для биографии // Тобольск и вся Сибирь. – Тобольск, 2004. – № 1.
5. Ермаково хождение // Сказания сибирских казаков. Памятники русского землепроходческого фольклора XVII – XX веков. – М., 2003.
6. Картина Сибири // Сибирский вестник. – 1818. – Ч. 1.
7. Костомаров Н.М. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. – М., 1997. – Т. 2.
8. Кузнецов Е.В. Сказания и догадки о христианском имени Ермака // Кузнецов Е.В. Сибирский летописец. – Тюмень, 1999.
9. Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII в. – Новосибирск, 2001.
10. Мамсик Т.С. Российская империя и ее окраины в осмыслении А.С. Пушкина // Роль государства в хозяйственном и социокультурном развитии Азиатской России XVII – начала XX века. – Новосибирск, 2007.
11. Оксенов А.В. Ермак Тимофеевич в исторических песнях русского народа // Сибирский сборник. – СПб., 1886. – Кн. 1.
12. Пуцилло Н. К вопросу, кто был Ермак Тимофеев, покоритель Сибири // Русский вестник. – 1881. – нояб.
13. Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. – Новосибирск, 1995.
14. Файзрахманов Г. История татар Западной Сибири. – Казань, 2007.
15. Шенк Ф.Б. Александр Невский в культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263 – 2000). – М., 2007.
16. Шульгин И. Происхождение казачества на южных рубежах Руси; появление Ермака и завоеванием им Царства Сибирского. – СПб., 1842.